

Глава 3. Огюст Конт о человеке

Воссоздавая историю философско-антропологических воззрений, многие исследователи неоправданно оставляли в стороне позитивизм. Течение, которое, по существу, дегуманизировало представления человека о самом себе, скорее обеспечило эффект «обесчеловечивания», нежели привлекло внимание к специфически человеческому. В трудах О.Конта, Дж.С.Милля, Г.Спенсера крайне редко можно натолкнуться на последовательное антропологическое рассуждение. Конт озабочен созданием «положительной философии», Дж.С.Милль, отталкиваясь от предельно общих посылок, связанных с человеческой природой, сразу пытается сконструировать новую этику, Спенсер обнаруживает интерес к всеобщей эволюции.

При этом относительно целостного представления о человеке в позитивизме не возникает. Даже обращаясь к биологической природе человека, философы этой ориентации обходят проблему его уникальности, как бы возлагая эту задачу на философских антропологов следующего века. Общий замысел направлен к противоположной цели: доказать, что в человеке как природном существе нет предельного своеобразия. Его надлежит рассматривать в ряду других живых созданий.

Русские философы оценивали Конта как великого мыслителя, признавали ценность его учения. Отечественные исследователи отмечают, что русские социологи «примкнули» к контовскому «Курсу» и «Системе позитивной политики». Однако вместе с тем они стали разрабатывать «принцип личности». Дело в том, что Конт в известной степени придал социологии индивидуалистический характер. В конце своей жизни он предлагал «расширить» социологию за счет «субъективного метода» гуманистического типа, способного быть основой для позитивной политики государства. Позитивизм как «религия человечества» проповедовал полное растворение личности в обществе, всеобщую любовь и братание.

Вместе с тем О.Конт явился провозвестником индустриального общества, сверху донизу построенного на рациональных началах. Его считают ранним идеологом технократизма и техногенной цивилизации. В таком обществе ведущей идеологией должен стать тезис весьма опасного утопизма: разум не совершает ошибок в по-

строении социального мира. Однако в этом мире, апологетом которого выступает О.Конт, нет места индивиду, человеку – есть только Человечество. Человек Конту не интересен. Теория, оправдывающая действия Человечества, неизбежно проявляет крен в сторону тоталитаризма и авторитарности, давления на личность. В таких исторических условиях наука превращается в свою противоположность, становясь апологией политического любого другого диктатора. Но современный человек сделал свой принципиальный выбор. Его приоритет – частная жизнь каждого человека с её насущными проблемами. Для социальной науки именно личность оказывается в центре внимания.

Оценивая роль позитивизма в истории философии, В.С.Соловьёв указывал на противоречивость этих усилий. Что нужно, чтобы объединённые позитивизмом естественные науки действительно образовали единое всеобщее мировоззрение, спрашивал он. Очевидно, это возможно только в том случае, если объединение наук будет вместе с тем и общим объединением всего человеческого сознания. А для этого нужно доказать, что все действительное содержание сознания совпадает с содержанием положительной науки, т. е. ограничивается внешними явлениями и их соотношениями. Все же остальное, находящееся в сознании, не имеет и не может иметь никакой действительности, будучи только вымыслом или же бесплодной отвлеченностью¹¹².

По мнению русского философа, «теология», «метафизика» и «положительная наука» с тем значением, которое им придают позитивисты, никогда в действительности не существовали в смысле преемственных общих мировоззрений или последовательных общих фазисов во внутреннем развитии всего человечества. Следовательно, основанный на этих понятиях закон Конта не имеет никакой действительности в смысле исторического закона. Позитивисты утверждали систему эмпирических наук как единственное истинное познание и отрицали всякое безусловное начало, религиозное или философское. Это и есть ограниченность позитивизма.

Но означает ли это, что в рамках позитивизма нет ценных антропологических идей? Ни в коем случае. Отметим, прежде всего, что это философское направление позволило ввести в общую рефлексию о человеке обширный естественнонаучный материал.

Оно на долгие годы предопределило исходные установки, позволяющие опереться на радикальные открытия в области биологии. Позитивизм выработал определенные теоретические принципы, которые оказались весьма значимыми для обсуждения природы человека как живого организма.

Позитивистскую версию человека невозможно изъять из общего историко-философского процесса, в котором, в частности, происходит формирование философско-антропологических воззрений. Эта традиция в целом оказалась довольно стойкой. Внутри позитивизма сложилось немало продуктивных установок, позволивших углубить наши представления о человеке как природном и деятельном существе.

Статика и динамика суть две главные категории социологии Огюста Конта. Статика в сущности сводится к изучению того, что он называет общественным консенсусом. Общество сравнимо с живым организмом. Подобно тому, как нельзя изучать функционирование любого органа в отрыве от целостного живого организма, точно так же нельзя изучать политику и государство вне рамок всего общества, взятого в данный момент. Социальная статика предполагает, таким образом, с одной стороны, анатомический анализ структуры общества на конкретный момент, а с другой – анализ элемента или элементов, определяющих консенсус, т. е. превращающих совокупность индивидов или семейств в коллектив, делающих из множества институтов единство. Но если статика есть исследование консенсуса, то она заставляет заниматься поисками главных органов любого общества и, следовательно, уводит от разнообразия исторических обществ, позволяющего в конечном счете раскрывать начала всякого общественного строя.

Таким образом, социальная статика, начинающаяся как простой позитивный анатомический анализ разных обществ и взаимных интересов учреждений отдельной общности, заканчивается во втором томе «Системы позитивной политики» исследованием основного порядка всякой человеческой общности.

Динамика с самого начала служит просто описанием последовательных этапов, которые проходят общества. Но мы знаем, что становление общества и разума человека определяется законами. Поскольку все прошлое составляет единство, социальная динамика не похожа на историю, которую пишут историки, коллекциони-

рующие факты или наблюдающие за преемственностью учреждений. Социальная динамика обозревает последовательные и необходимые этапы становления разума человека и обществ.

Социальная статика поставила в повестку дня основной порядок любого общества, социальная же динамика воспроизводит метаморфозы, которые испытал этот фундаментальный порядок, прежде чем он вышел на конечную стадию позитивизма.

Динамика подчинена статике. Ведь понимание того, что есть история, начинается с постижения порядка любого общества. Статика и динамика соотносятся с терминами порядка и прогресса, начертанными на знаменах позитивизма и республики Бразилии: «Прогресс – это развитие порядка». Согласно известной формуле, нужно действовать под влиянием чувства и думать, чтобы действовать.

Отсюда следует критика той интерпретации рационализма, которую можно назвать интеллектуалистской. В соответствии с ней развитие истории постепенно сделало бы из разума орган, определяющий поведение человека. По мнению Конта, такого быть не может. Побуждение всегда будет идти от чувства – души человечества и мотора деятельности. Разум никогда не станет более чем органом управления или контроля.

Но разум этим не обесценивается, т. к. позитивистской философии свойственна идея обратной связи между силой и благородством. Наиболее благородный – это самый слабый. Думать, что разум не предопределяет деятельности, не значит его умалять. Разум не является и не может быть силой именно потому, что он в определенном отношении есть нечто более возвышенное.

Локализации в мозгу трех элементов природы человека суть лишь перестановка идей, связанных с их функционированием. Огюст Конт помещает разум в передней части мозга, так что разум связан с органами восприятия или органами чувств. Привязанность он помещает, наоборот, в задней части мозга, так чтобы она непосредственно соединялась с органами движения.

Далее можно различать в сфере чувств то, что относится к эгоизму, и то, что относится, наоборот, к альтруизму или бескорыстию. Конт дает довольно забавную классификацию чувств: он перечисляет исключительно эгоистические инстинкты (пищевой, половой, материнский); затем добавляет к ним склонности также

эгоистические, но уже относящиеся к сфере отношений с другими: военные и индустриальные, представляющие собой проекции на природу человека двух типов общества, которые Конт, как он считал, наблюдал в то время. Военный инстинкт – это инстинкт, который содействует преодолению нами препятствий, индустриальный – напротив, побуждает нас к созиданию жизненных благ. Сюда он добавляет еще два чувства, без труда узнаваемых: гордость и тщеславие. Тщеславие – в определенном отношении уже переход от эгоизма к альтруизму.

Неэгоистических склонностей три: привязанность одного лица к другому на основе полного равенства; почтение, уже расширяющее круг охватываемых этой склонностью людей, ибо ею проникнуты отношения сына к отцу, ученика к учителю, подчиненного к начальству; и, наконец, доброта, которая в принципе отличается универсальной распространенностью и должна перейти в религию человечества.

Что касается разума, то он может быть разложен на понимание и выражение. В свою очередь понимание разлагается на пассивное и активное. Первое бывает абстрактным или конкретным. Активное – индуктивным или дедуктивным. Выражение оказывается мимическим, устным или письменным.

Наконец, деятельность делится на три направления: доблесть – если пользоваться выражением классической философии – предполагает мужество, благоразумие и твердость или упорство при выполнении какого-либо дела.

Такова теория природы человека. Как явствует из «таблицы мозга», человек прежде всего эгоист, хотя и не исключительно эгоист: склонности, обращенные на других и развивающиеся в бескорыстие и любовь, заданы с самого начала.

История не меняет природы человека. Присущий статике примат тождествен утверждению вечного характера склонностей, свойственных человеку как таковому. Конт не написал бы, как Ж.-П. Сартр: «Человек есть будущее человека». И он не считал, что человек все время творит самого себя. Основные склонности, по его мнению, представлены уже с самого начала.

Отсюда, впрочем, не следует, будто смена обществ ничего не дает человеку. Напротив, история предоставляет ему возможность реализации того, что есть наиболее благородного в его природе, и

благоприятствует постепенному расцвету альтруистических склонностей. Она также дает ему возможность всецело пользоваться разумом как руководителем действий. Разум никогда не будет для человечества ничем иным, кроме органа контроля, но на первых порах своей эволюции он еще не может быть действенным контролем за деятельностью, потому что, как было выше сказано, позитивистское мышление не спонтанно. Быть позитивным – значит открывать законы, управляющие явлениями. Таким образом, нужно время, чтобы наблюдение и эксперимент принесли знание законов. История необходима для того, чтобы разум человека достиг собственной цели и реализовал то, что составляет его призвание.

Структурные отношения между элементами природы человека навсегда останутся такими, какими они оказываются в исходной позиции. Конт, таким образом, выступает против оптимистического и рационалистического истолкования эволюции человечества. Тем, кто думает, будто разум может быть основным детерминантом поведения человека, он отвечает, что никогда люди не будут движимы ничем иным, кроме своих чувств. Настоящая цель в том, чтобы люди все больше руководствовались бескорыстными чувствами, а не эгоистическими интересами, а также в том, чтобы орган контроля, направляющий деятельность человека, смог полностью выполнить свою функцию, открывая законы, повелевающие реальностью.

Такое толкование природы человека позволяет перейти к анализу природы общества.

В семи главах 2-го тома «Системы позитивной политики» Огюст Конт набрасывает последовательно теории религии, собственности, семьи, языка, общественного организма, или разделения труда; завершают работу две главы, одна из которых посвящена систематизации форм святости в общественной жизни и включает в себя эскиз общества, ставшего позитивистским, а вторая относится к общим пределам изменения, свойственным человеческому порядку, содержит объяснение через статику возможности динамики и, кроме того, объяснение на основе законов статики возможности и необходимости исторических вариаций. Все эти главы составляют теорию фундаментальной структуры обществ.

Цель анализа религии – продемонстрировать функцию религии в любом обществе. Религия порождается двойной потребностью. Любое общество непременно предполагает консенсус, со-

гласие между частями, единение членов, составляющих общество. Общественное единство требует признания принципа единства всеми индивидами, т. е. религии.

Сама религия допускает тройное деление, свойственное природе человека. Она включает в себя интеллектуальный аспект, догму; аффективный аспект, любовь, которая выражается в культе; и практический аспект, который Конт называет «укладом». Культ упорядочивает чувства, уклад – личное или общественное поведение верующих. Религия воспроизводит в самой себе дифференциацию природы человека: порождая единство, она должна обращаться одновременно к разуму, чувству и действию, т. е. ко всем способностям человека.

Это представление не отличается в основном от того, которое Конт излагал в начале своего пути, утверждая, что в идеях разума фиксируются этапы истории человечества. Но ко времени написания «Системы позитивной политики» он не усматривает больше в простых ведущих идеях или в философии основу каждой общественной организации. Религия создает общественный порядок, она же служит формой привязанности и деятельности и в то же время – догмой или верованием. «В этом трактате, – пишет Конт, – религия будет по-прежнему характеризоваться состоянием полной гармонии, свойственной жизни человека, как индивидуальной, так и коллективной, когда все ее части хорошо согласованы. Это единственное подходящее для разных основных случаев определение касается равным образом сердца и разума, поддержка которых необходима такому единству. Религия представляет, таким образом, для души нормальный консенсус, в точности сравнимый с консенсусом здоровья с телом».

Следует сопоставить две главы, относящиеся, с одной стороны, к собственности, с другой – к языку. Сопоставление может показаться странным, но оно отвечает глубокой мысли Конта. Собственность и язык в самом деле соответствуют друг другу. Собственность есть проекция на общество деятельности, между тем как язык есть проекция разума. Законом, общим для собственности и языка, служит закон накопления. Цивилизация прогрессирует, потому что победы в материальной и интеллектуальной сферах не исчезают вместе с теми, кто их добыл. Человечество существует, потому что есть традиции, т. е. преемственность поколений. Собственность – это накопление ценностей, передаваемых

от поколения к поколению. Язык – это, так сказать, место хранения имущества разума. Получая язык, мы получаем культуру, созданную нашими предками.

Не надо задерживаться в своем анализе из-за слова «собственность», вызывающего широкий политический резонанс или пристрастия. По мнению Конта, совсем неважно, будет ли это частная или общественная собственность. Он видит в собственности основную форму, в какой выражает себя цивилизация, – в самом факте продолжающегося существования материальных творений людей после того, как их творцов уже нет, и в том, что мы можем передать потомкам созданное нами. Обе главы – о собственности и о языке – посвящены двум основным инструментам человеческой цивилизации, условиями существования которой служит преемственность поколений и продолжение живыми мыслей мертвых. Отсюда – известные выражения: «Человечество состоит скорее из мертвых, чем из живых», «Мертвые все чаще и чаще управляют живыми».

Основные идеи Конта относительно разделения труда – это идеи дифференциации деятельности и кооперации людей, или, говоря точнее, разделения обязанностей и комбинации усилий. Но главное положение позитивизма, сколь шокирующим оно ни покажется, есть признание и даже больше – провозглашение примата силы в практической организации общества. Как организация деятельности людей общество господствует и не может не господствовать с помощью силы.

Конт признавал только двух политических философов: Аристотеля и Гоббса. Гоббс – единственный политический философ, говорит нам Конт, достойный упоминания между Аристотелем и ним. Гоббс видел, что всякое общество управляется и должно быть управляемо (в двух смыслах – неизбежности и сообразности тому, что должно быть) силой. А сила в обществе – это количество или богатство.

Конт отвергает определенную форму идеализма. Общество находится и будет находиться под властью сил количества или богатства (или сочетания того и другого), если иметь в виду, что между тем и другим нет существенной разницы в качестве. Нормально, что сила берет верх. Как могло быть иначе в течение столь долгого периода, что мы считаем реальную жизнь такой, какова она есть, и общества такими, каковы они есть?

«Все те, кого коробит положение Гоббса, несомненно, найдут странным: вместо того чтобы основывать политический строй на силе, его хотят учредить на слабости. Тем не менее именно это следовало бы из их тщетной критики, основанной на моем главном анализе трех частей, неизбежно присущих любой общественной власти. Потому что за неимением подлинной материальной силы появится необходимость заимствовать у духа и сердца первичные основания, которые эти бедные элементы все-таки неспособны обеспечить. Пригодные единственно к тому, чтобы достойно изменить предшествующий строй, они не смогут выполнять никаких общественных обязанностей там, где материальная сила еще не учредила надлежащим образом какой-нибудь строй».

Однако общество, соответствующее человеческой природе, должно включать в себя противоположность господства силы или коррекцию его, духовное влияние, теорию которого развивает Конт, противопоставляя ее своей реалистической концепции общественного порядка. Влияние духа – постоянное требование обществ, потому что последние всегда будут в качестве мирского порядка находиться под властью силы.

Существует двойное духовное влияние – влияние разума и чувства, или привязанности. В начале своего пути Конт понимал влияние духа как воздействие разума. В конце жизни под влиянием духа он имеет в виду главным образом влияние привязанности, или любви. Но какова бы ни была в точности форма, какую принимает духовное облагораживание, во все времена и эпохи существовало различие между мирской и духовной властью, и оно полностью снимается лишь на позитивной фазе, т. е. на той фазе, которая служит завершением истории человечества.

Духовное влияние выполняет разные функции. Оно должно упорядочивать внутреннюю жизнь людей, объединять их ради совместной жизни и деятельности, освящать мирскую власть для того, чтобы убедить людей в необходимости повиновения; общественная жизнь невозможна, если нет тех, кто повелевает, и тех, кто повинуются. Для философа неважно, кто господствует и кто повинуются; те, кто господствует, есть и всегда будут могущественны.

Духовное влияние не должно только упорядочивать, объединять, освящать; оно должно также ослаблять и ограничивать мирскую власть. Но для этого нужно, чтобы общественная диф-

ференциация зашла достаточно далеко. Когда духовная власть освящает мирскую, т. е. когда священники заявляют, что короли – помазанники Божий или что они управляют от имени Бога, духовная власть прибавляет авторитета мирской власти. Это освящение духом власть имущих, возможно, было необходимо в истории. Конечно, нужно было поддерживать общественный порядок и согласие, даже когда ум не находил истинных законов внешнего порядка и тем более общественного порядка. На конечной фазе духовная власть лишь частично признает мирскую власть. Ученые будут объяснять необходимость индустриального и общественного порядка и в связи с этим как бы придадут больший моральный авторитет могуществу предпринимателей или банкиров. Но их основной функцией станет не столько освящение, сколько ослабление и ограничение, призыв к влиятельным силам ограничиться выполнением общественных функций с тем, чтобы они, управляя, не претендовали на моральное или духовное превосходство.

Для того чтобы духовное влияние выполняло все свои функции и чтобы подлинное различие между мирским и духовным стало наконец признанным и закрепленным, возникает необходимость в истории – та необходимость, которая обнаруживается при статическом анализе различия двух властей.

Изучение статики освещает значение динамики с трех точек зрения: разума, деятельности и чувства.

История разума движется от фетишизма к позитивизму, т. е. от синтеза, основанного на принципе субъективности и переносе во внешний мир реальности сознания, вплоть до открытия и обоснования законов, управляющих процессами, без претензий на выявление их причин.

Деятельность развивается от военной фазы к индустриальной, или, если говорить марксистским языком, от борьбы людей между собой до победоносной борьбы человека с природой, с той оговоркой, что Конт не питает чрезмерных надежд на результаты, которые принесет господство человека над силами природы.

Наконец, история эмоциональности – это история постепенного развития альтруистических склонностей, без надежды на то, что человек когда-нибудь самопроизвольно перестанет быть эгоистом в своей основе.

Это тройное значение истории выявляется статикой, позволяющей понять историю в ее связи с фундаментальной структурой общества.

История ведет к растущей дифференциации общественных функций и одновременно к растущей унификации обществ. Мирская и духовная власти станут на конечной стадии различимы яснее, чем когда-либо, и это различие будет одновременно условием более тесного консенсуса, более прочного единства. Люди согласятся с мирской иерархией, потому что они познают ее шаткость, и прибегнут к высшей оценке для духовного порядка, который может быть ниспровержением мирской иерархии.

Прежде всего позитивизм сумел соединить науку с историей. Он попытался раскрыть основной закон «человеческого духа», разработав версию о том, как он складывался и развивался. Сущность этой теории заключается в утверждении Конта о том, что человеческий ум во всяком роде умозрений проходит через три стадии развития: теологическую, метафизическую и, наконец, положительную. Представление о трех ступенях умственной эволюции позволило сблизить науку с тем, что так важно для человека и что было чрезмерно отделено от него – с историей.

Конт пытался выявить законы социальной динамики через раскрытие человеческой природы. По его мнению, слабость нашего ума и краткость жизни не позволяют проследить ступени развития человеческого духа. Однако он предпринял попытку показать, что между развивающимся человечеством и совокупностью внешних факторов существует сложное соотношение. Оно в целом определяется зависимостью социологии от биологии. Развитие человечества, следовательно, должно быть согласовано с биологической теорией человека.

Основатель «позитивной философии» критикует позицию тех исследователей, которые пытаются сделать социологию частью науки о человеке, не принимая в расчет исторических наблюдений. Эту ошибку, по его мнению, допускали П. Кабанис и другие французские материалисты. Разумеется, считает Конт, первый очерк социологии должен вытекать из биологической природы человека. Но с того момента, когда установился ход социального развития, влияние предыдущих поколений становится главной причиной его движения вперед.

Позитивистская версия человека, таким образом, имеет ряд особенностей. Прежде всего, она характеризуется антирелигиозной, скорее антихристианской позицией. Устранение Бога из орбиты науки имело характерные мировоззренческие следствия. Человек, с одной стороны, старается определить себя как объект науки. В этом качестве он противостоит природе. С другой стороны, он выступает как субъект науки и, следовательно, заменяет Бога.

Так внутри позитивизма возникает противоречие между теорией субъекта науки и построениями антропологического его объекта. Цивилизация служит наглядной иллюстрацией всевластия человека, его способности «очеловечить» природу. Следовательно, науки о человеке соотносятся с историческим этапом господства человека над природой. В отдаленной перспективе усматривается даже растворение природного в человеческом.

На протяжении всей истории западной цивилизации наука испытывает влечение то к математическим, то к биологическим моделям. Позитивистская версия человека, несомненно, сопряжена с возрождением биологических объяснительных схем, что обозначало разрыв с механицизмом галилео-картезианской науки. Специфику современной науки многие философы видели в том, что она отказывается от антропологизма в космологии и биологии.

Стремясь выявить знание человеческой природы, позитивисты прежде всего пытаются преодолеть антропоморфизм. Они критикуют стремление человека переносить свойства своей натуры на все остальные явления. Считая себя центром всего мира, человек склонен видеть в себе универсальный тип. Он не может объяснить явления иначе как уподобляя их собственным актам. Человек, как подчеркивает Конт, познает только себя самого. Его первоначальная философия заключается в более или менее удачном перенесении этого знания на все другие объекты.

Таково, по Контю, происхождение теологической философии, которая объясняет внутреннюю жизнь природы и происхождение явлений, уподобляя их актам, производимым волею человека. На высших ступенях умственного развития человек, естественно, отказывается от антропоморфизма. Но первоначальный изъян человеческой природы не случаен. Ведь человек должен наблюдать, чтобы создать какую-нибудь теорию. И из этого положения не было иного выхода, как уподобить все явления актам челове-

ка, т. е. наделить всякое тело жизнью, которая подобна нашей. Только теологическая философия могла вдохнуть в человека энергетическую самоуверенность, внушая ему чувство универсального превосходства.

Рассуждая о человеческой природе, как мы видим, позитивисты обращаются и к некоторым сторонам человеческой субъективности. Если бы человек, рассуждают они, с самого начала мог понять, что мир подчинен неизменным законам, то, не имея в то же время возможности познавать их и управлять ими, он бы впал в малодушие и не смог бы выйти из апатии и умственного оцепенения.

Анализируя влияние религиозного духа на поведение человека даже в самые цивилизованные эпохи, позитивисты пришли к выводу, что внушаемое им спокойствие духа вытекает не столько из веры в будущую жизнь, сколько из надежды на помощь сверхъестественного существа. Таков характер умонастроения, который вызывается, скажем, умственным и нравственным актом молитвы.

Две названные особенности антропологического мышления позитивизма – антирелигиозная позиция и господство биологических моделей, как видим, связаны между собой. Критика антропоморфизма объясняет происхождение теологической философии и устраняет идею Бога. Но антихристианская позиция возникает и тогда, когда человеку отводится весьма определенное место в ряду живых существ.

Вполне понятно, что, с другой стороны, биологическая тематика, дающая натуралистическое истолкование различных феноменов, открывает простор для антирелигиозной мысли. Вместо божественного закона вводится закон естественный. Один из актов позитивистской философии сводится к десакрализации человека. Она толкует человека как часть природы и снимает с него ореол священности, которым он был окружен.

Такой подход к проблеме человека имел неоднозначные последствия для философского сознания. С точки зрения традиционной философской антропологии поиск специфически человеческого здесь как бы утрачивается. Человек, оказывается, вовсе не специфический род сущего, а всего лишь звено в развитии остального естественного мира. Все постулаты о божественном, таинственном происхождении человека, по существу, отвергаются. Не случайно религия запрещает пропаганду дарвинизма.

Но с другой стороны, в позитивизме рождается грандиозное открытие: тайну человека теперь можно осмысливать и естественнонаучным путем. Как живое создание, человек – продукт развивающейся многоликой плоти. Что означало на деле стремление «натурализовать» человека? В иерархии земных и небесных существ Бог и ангелы устранились. Человек оказывался в одном ряду со зверем, с бестией. Фундаментальное представление христианской мысли о том, что человека и природу разделяет пропасть, оказалось в позитивизме пересмотренным и отвергнутым. «Закрывая» антропологическую тему в ее каноническом смысле, позитивисты выдвигали новые перспективы в постижении человека.

С одной стороны, позитивизм, по сути дела, отвергает возможность самостоятельной науки о человеке. Если она и возможна, то только в качестве одного из разделов науки вообще, т. е. науки о природе. Но в то же время философская антропология получает серьезный импульс для собственного развития, ибо сфера отвлеченных умозаключений дополняется и конкретным естественнонаучным материалом. Эмпирия новых фактов, естественно, рождает в перспективе новые возможности для значительных мировоззренческих обобщений.

Конечно, этот процесс прорыва к метафизике осуществлялся и в самом позитивизме. Так Конт указывал на склонность человека к общественной жизни, опираясь не столько на натуралистические умозаключения, сколько на философскую традицию. Формулировалось, скажем, положение о том, что человек в силу своей природы питает отвращение ко всякому постоянству. Он находит удовольствие в деятельности только тогда, когда она достаточно часто меняется. Конт указывает, что это несовершенство человеческой природы (опираясь на арсенал биологии) и берет на вооружение социология.

Парадокс состоит в том, что обнаружение человеческой и нравственной природы, раскрытие сущности человека позитивисты связывают с попыткой проанализировать множество накопленных фактов. Этот обширный материал позволяет судить о способностях ума, сердца и воли человека, как они обнаруживали себя в социологическом источнике, т. е. в истории. Разумеется, такого рода ссылки на совокупный духовный опыт человечества нередко были продуктивными. Другое дело, что позитивисты часто отбирали факты через

призму определенной установки. То или иное свойство человека непосредственно выводилось из естественных побуждений индивида. Это рождало не только прозрения, но и некоторые выводы, которые впоследствии были принципиально пересмотрены.

Так природу нравственного качества позитивисты усматривали исключительно в некотором побуждении, в душевном движении или эмоции. Поэтому, по их мнению, слово «инстинкт» лучше всего соответствует любому нравственному проявлению. Основание всякой личности составляет, стало быть, инстинкт питания или самосохранения, который, как выясняется, занимает основную ступень в ряду нравственных способностей. Инстинкт же половой определяется как не столь властный. Фрейдисты, как известно, придали этому инстинкту совсем иное истолкование. Таким образом, выводы позитивистов получили разработку и в других философских направлениях.

Далее у позитивистов идут аффективные побуждения. Описывается инстинкт разрушения и инстинкт созидания. Желание добиться выгоды тоже определяется как инстинктуальное. Все инстинкты, склонности в деятельном состоянии и чувства в состоянии пассивном составляют глубинную черту личности – эгоизм. Так, Дж.С.Милль полагал, что удовольствие является основным побудительным началом всякого человеческого поведения.

В отличие от Конта он придавал большое значение человеческой свободе, воспитанию индивидуальности. Милль прослеживает историко-философскую традицию и показывает, что проблема свободы воли, по крайней мере со времен Пелагия, разделяет как философов, так и теологов. Одни ученые считают, что человеческие желания и поступки строго обусловлены. Другие, напротив, убеждены, что воля не определяется, подобно другим явлениям, предыдущими обстоятельствами, а сама себе диктует некие повеления.

В целом Милль придерживается концепции предопределенности воли. По его мнению, метафизическая теория свободы воли, как ее защищают философы, возникла потому, что полярная точка зрения, т. е. признание человеческих действий необходимыми, казалась несовместимой с инстинктивным сознанием каждого. Но на самом деле если даны мотивы, которые сложились в душе индивида, то мы можем предсказать его поведение с такой же уверенностью, как мы предвараем всякое физическое явление.

Однако, изложив свою главную мысль, философ подчеркивает, что учению о причинной связи придают слишком широкое значение. Сам он убежден, что для наших хотений не существует таинственного принуждения. Характер человека складывается под влиянием обстоятельств. Но собственное желание индивида сообщить своему характеру конкретное свойство тоже есть одно из таких обстоятельств. Мы способны творить собственный характер, если мы хотим этого.

Следовательно, по мысли Дж.Милля, нравственно свободным ощущает себя тот, кто сознает, что не им управляют привычки и вожеления, а он сам направляет эти склонности. Свобода воли, следовательно, заключается в том, чтобы формировать свой характер. Это исключает произвольность воли, но все-таки создает огромный простор для самовыражения личности.

Любопытно, что в позитивистской трактовке свободы воли, нравственности неожиданно исчезает представление о стойкости человеческой природы. В самом деле, если гуманность, как ее описывает Спенсер, не что иное, как некоторые альтруистические чувства, то оказывается, что у многих народов эти побуждения (он приводит соответствующие ссылки) вообще отсутствуют. Дагомейцы, например, лишены симпатии и благодарности. Негр не склонен к жестокости, чего нельзя сказать о хищнических племенах Северной Америки. Мы, следовательно, по мнению Спенсера, ничего не можем сказать о человеке как таковом. Его нравственная природа, отождествляемая с биологическими инстинктами, целиком определяется культурными стандартами.

Спенсер подчеркивает, что если трезво и без предрассудков взглянуть на историю Европы, то окажется, что она полна жестокости и бесчеловечности. И это, разумеется, невозможно оспорить. Но дает ли такая констатация основание для окончательных выводов о нравственной природе человека? Отнюдь. Ведь, с другой стороны, именно христианская Европа выработала представление об индивиде, личности и гуманизме. Так что этнографический материал, опыт истории невозможно проецировать на какую-то окончательную природность того или иного народа. Противоречия духовной, нравственной жизни людей никак не сводятся к инстинктуальной природе человека.

В «Этике» Спенсера дано одно из наиболее всесторонних и систематических изложений принципа удовольствия, которым мы можем воспользоваться как отличной стартовой площадкой для наших дальнейших рассуждений.

Ключом к пониманию Спенсера принципа «удовольствие-страдание» является понятие эволюции. Он считает, что удовольствие и страдание имеют биологическую функцию побуждения к действию в соответствии с тем, что выгодно человеку, – причем это справедливо как в отношении одного человека, так и всего человечества; тем самым удовольствие и страдание выступают как необходимые факторы в эволюционном процессе. «Страдания суть коррелятивы действий, способствующих его здоровью»¹¹³. Для жизни как отдельного индивида, как и всего рода характерно стремление к благоприятному для нее и избегание всего неблагоприятного. Хотя удовольствие и представляет собой субъективное переживание, тем не менее было бы неверно оценивать его только в терминах субъективного; существует и объективная сторона, которую нельзя не принимать во внимание, а именно физическое и психическое состояние человека. Спенсер допускает, что в современном обществе имеют место многочисленные случаи «извращенного» удовольствия или страдания, которые он объясняет существующими в обществе противоречиями и его несовершенством. Он заявляет, что «с полным достижением человечеством социального состояния придет понимание того, что действия, поступки будут абсолютно правильными только тогда, когда они, помимо содействия достижения счастья в будущем, в общем и в частности будут доставлять немедленное и непосредственное удовольствие, а страдания, не в отдаленном будущем, а ближайшие, всегда будут сопутствовать действиям неправильным». Те же, кто считает, что страдания оказывают благотворное действие, а удовольствия – вредное, искажают, говорит Спенсер, их действительный смысл и принимают исключения за правило.

Спенсер проводил параллель между своей теорией биологической функции удовольствия и социологической теорией. Он выдвинул идею, что «формирование природы человека в соответствии с требованиями общественной жизни должно в конечном счете сделать *все* необходимые для этого действия доставляющими удовольствие, тогда как действия, не доставляющие удоволь-

ствия, будут расходиться к этим требованиям». И далее, что «удовольствие, сопровождающее применение средств для достижения цели, само становится целью».

Общими для концепций Платона, Аристотеля, Спинозы и Спенсера являются следующие идеи: 1) что субъективное переживание удовольствия само по себе не является критерием *оценки*; 2) что счастье связано с благом; 3) что может быть установлен объективный критерий для оценки удовольствия. Платон в качестве критерия истинного удовольствия называл «добродетельного человека», Аристотель – «деятельности людей»; Спиноза, как и Аристотель, связывал этот критерий с реализацией человеком своей сущности; Спенсер связывал его с биологической и социальной эволюцией человека.

Все предшествующие теории удовольствия и их роль в этике имели тот недостаток, что использовали недостаточно точные данные, которые могли дать современная скрупулезная техника наблюдения и анализа. Психоанализ с его детальным изучением бессознательной мотивации и формирования характера человека положил основание таким методам анализа и наблюдения и тем самым позволил продвинуться в изучении проблемы удовольствия как нормы жизни, выйдя за пределы ее традиционного понимания.

Удовольствие, возникающее из удовлетворения различных невротических потребностей, может быть, хотя и необязательно, неосознаваемым. Так, мазохистские извращения могут служить примером вполне осознаваемого ожидания и переживания удовольствия от удовлетворения невротических побуждений. Человек с садистическими наклонностями получает удовлетворение от того, что унижает других, скряга получает удовольствия от накопления денег – в обоих случаях чувство удовольствия, получаемое от удовлетворения своих страстей, равно может осознаваться и не осознаваться. Осознаваемо удовольствие или нет или оно вообще подавляется, зависит от двух факторов: от степени сопротивления препятствующих осуществлению эти иррациональных стремлений сил, которыми обладает человек, и от степени свободы общественных нравов, либо допускающих возможность получения подобных удовольствий, либо считающих их непозволительными и антиобщественными.

Подавление удовольствия можно понимать в двух разных смыслах. Более слабая и наиболее распространенная форма подавления та, в которой удовольствие осознается, но ассоциируется не с её настоящим источником – иррациональной страстью, а скорее с её рациональным выражением. К примеру, скряга может думать, что получает удовольствие от предусмотрительной заботы о своём семействе; садист может считать источником своего удовольствия чувство нравственного негодования. При более жестком типе подавление удовольствия вообще не осознается. Многие садисты склонны искренне отрицать, что вид униженных людей вызывает у них чувство удовольствия. Но анализ их сновидений и свободных ассоциаций разоблачает наличие у них неосознаваемых удовольствий.

Боль и несчастье также могут не осознаваться, а подавление может принимать те же формы, что и формы подавления удовольствия. Человек может чувствовать себя несчастным в силу того, что не достиг ожидаемого успеха, или из-за ухудшения состояния здоровья, или вообще из-за каких-нибудь внешних обстоятельств. Однако глубинной причиной его неудовлетворенности могут быть недостаток продуктивности, пустота жизни, неспособность любить или какой-нибудь иной *внутренний* порок, делающий его несчастным. Он, так сказать, рационализирует свое несчастье, так что не чувствует связи его с его подлинной причиной. И опять-таки: более основательное подавление чувства несчастья имеет место там, где оно вообще не осознается. Человек считает, что он вполне счастлив, хотя на самом деле он и неудовлетворен, и несчастен.

Концепция бессознательного переживания счастья или несчастья встречает серьезное возражение, которое состоит в том, что человек счастлив или несчастлив тогда, когда осознает себя таковым, и аналогично: человек не испытывает удовольствия или страдания, если он не знает этого. Этот аргумент имеет больше, чем просто теоретическое значение. Он чрезвычайно важен в социальном и этическом отношениях. Если рабы не осознают своей причиняющей страдания участи, то как может кто-то со стороны протестовать против рабства во имя счастья человечества? Если современный человек счастлив настолько, насколько выдает себя за такового, то не доказывает ли это, что мы построили лучший

из возможных миров? Разве иллюзия счастья недостаточна или, иначе, разве «иллюзия счастья» не является внутренне противоречивым понятием?

Разумеется, стремление отыскать биологические истоки нравственности в целом заслуживает внимания. К этой теме вернулись на уровне современного знания нынешние социобиологи. Позитивисты рассматривали нравственность как проекцию инстинктов. Если Кант провозглашал основным законом этики внутреннее повеление, категорический императив, усматривал в нравственном поступке диктат долга, то позитивисты, напротив, полагали, что чрезмерные требования к человеку бессмысленны. Даже самое идеальное и возвышенное нравственное учение останется пустым звуком, если оно окажется непосильным для человека. Но с другой стороны, если совершенствовать инстинкты, то человек в будущем окажется нравственным по склонности. Нравственность в этой системе рассуждения хотя и провозглашалась, тем не менее редуцировалась к инстинктуальной природе человека.

Не случайно в последующем развитии позитивистской традиции акты героизма, самоотречения, подвижничества оценивались весьма критично. Эти отвлеченные порывы, не вытекающие из человеческой природы, а демонстрирующие лишь некие всплески духа, как полагалось, будут все более редкими.

В целом позитивистская антропология оказала немалое влияние на всю последующую философию. Представители философии жизни, оставаясь в русле биологической парадигмы, проявили обостренный интерес к человеку как к живому существу. Немецкая классическая философия антропологии с предельной отчетливостью поставила вопрос о том, что такое человек как биологический организм. Современные социобиологи, как уже отмечалось, возродили натуралистические истолкования нравственности.

Многие сюжеты позитивизма, в частности соотношение свободы и необходимости, проблема свободной воли, обсуждались немецкими и русскими философами. Огромное внимание инстинктуальной природе человека уделили сторонники психоанализа. Все это говорит о том, что позитивистская версия человека органично вплетена в процесс формирования философско-антропологических взглядов XIX и XX столетий.

Новая общественная наука, предлагаемая Контом, оказалась исследованием законов исторического развития. Она основывается на наблюдении и сравнении, а значит, на методах, сходных с теми, которые используют другие науки, особенно биология; но сферы применения этих методов будут уточнены, так сказать, с помощью ведущих идей позитивистского учения, его синтетической концепцией статики и динамики. Служит ли это пониманию строя данного общества или основных направлений истории – в обоих случаях разум подчиняет отдельные наблюдения предшествующему постижению целого.